

Мухоплева Светлана Дмитриевна

**Е. Е. ЛУКИН-ТЮММЮТ ДЖЕГЁЮР: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ИНФОРМАНТОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ
ОЛОНХО**

В статье представлен опыт изучения биографии малоизвестного информанта-собирателя олонхо, находящегося на стыке устной и письменной культур. Объектом обрисовки выбран один ракурс маргинальной личности - его особенности как собирателя на историческом фоне. Инструментарий позволил автору поставить вопрос изучения деятельности Е. Е. Лукина как информанта и затронуть проблему авторства архивного фольклорного документа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 37-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.224; 930.253

В статье представлен опыт изучения биографии малоизвестного информанта-собиранья олонхо, находящегося на стыке устной и письменной культур. Объектом обрисовки выбран один ракурс маргинальной личности – его особенности как собиранья на историческом фоне. Инструментарий позволил автору поставить вопрос изучения деятельности Е. Е. Лукина как информанта и затронуть проблему авторства архивного фольклорного документа.

Ключевые слова и фразы: самозаписи олонхо; информант-собиранья; фольклорная текстология; эдиция; биографический метод.

Мухоплева Светлана Дмитриевна, к. филол. н., доцент
 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
 Сибирского отделения Российской академии наук
 Muhopleva@mail.ru

Е. Е. ЛУКИН-ТЮММИОТ ДЖЁГЁЮР: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ИНФОРМАНТОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ ОЛОНХО

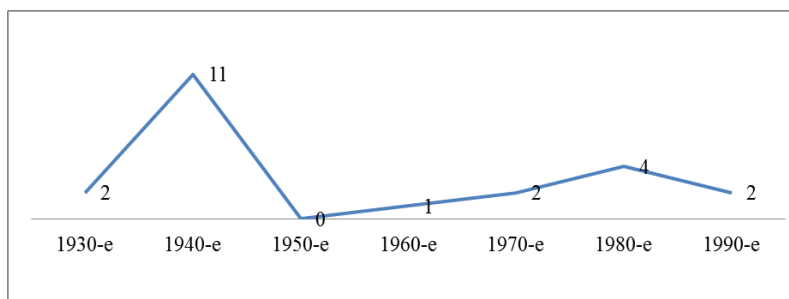
Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Рукописи самозаписей олонхо: опыт научного описания и исследования», поддержанного РГНФ (проект № 14-04-00381).

Понятие «информант-собиранья» в якутской фольклористике выработалось по ходу работы над рукописями самозаписей якутского героического эпоса олонхо и обозначает маргинальную личность в фольклоре, который стоит на стыке устной и письменной культур. История самозаписей олонхо началась в первой половине XIX века. Она тесно взаимосвязана с зарождением, становлением и развитием якутской письменности [16]. На временной оси самозаписей выделяются три типа информанта-собиранья: устный олонхосут, хранитель устного олонхо, «автор» олонхо [18]. Все три типа сосуществуют друг с другом на всех трех этапах диалога устной и письменной культуры (дореволюционном, советском, постсоветском).

Обзор рукописей олонхо, хранящихся в архиве Якутского научного центра (ЯНЦ)¹, показывает, что в советский период в дело письменной фиксации устного якутского героического эпоса внесли неоценимый вклад 20 информантов-собиранья из разных регионов Якутии. Они передали на хранение 22 самозаписи олонхо. Рукописи поступали в архив неравномерно с 1939 г. по 1990 г., что представлено в Диаграмме 1. В тридцатых годах в архив сданы две самозаписи. В сороковых годах наблюдается поступление 50% всех рукописей олонхо. В пятидесятых годах отмечается нулевой цикл. С шестидесятых годов до восьмидесятых начинается постепенное увеличение количества сданных самозаписей, потом в девяностых годах опять идет спад. Резкое увеличение количества поступлений рукописей олонхо, в том числе самозаписей, связано с республиканским конкурсом на запись лучшего олонхо, который был объявлен в 1940 г. Конкурс был оглашен в целях воссоздания единого цельного сводного текста олонхо типа «Калевалы», «Манаса». Он не был завершён из-за начала Великой Отечественной войны.

Диаграмма 1.

Поступление рукописей по годам (количество)

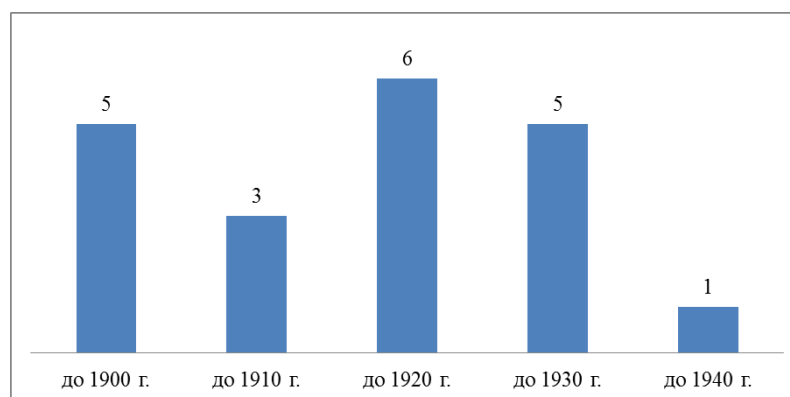
Личность информантов-собиранья, субъектов, занимающих пограничное место на стыке устной и письменной культуры, все еще малоизучена. В теоретическом плане эта тема в российской фольклористике разрабатывается в рамках темы «книжный эпос» и при разработке проблемы «исследователь и объект исследования» [15; 24]. В якутской фольклористике исследованию жизни и творчества отдельных авторов самозаписей олонхо посвящены сборники материалов [3; 19], а в последнее время – ряд статей [4; 7; 17; 20].

¹ Ныне все документы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИИПМНС) СО РАН из архива ЯНЦ переданы на депозитарное хранение в отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН.

Кто они, эти 20 личностей, которые передали на хранение свои самозаписи олонхо в архив научного Института? Каково их гендерно-возрастное распределение, региональное соотношение? Начнем с перечисления их имен с указанием псевдонимов: А. П. Амвросьев-Тойуктаах Омуруоска, С. Г. Егоров-Сэмээр Сэмэн, С. С. Егоров, Г. А. Захаров, Н. Л. Игнатъев-Билгэ, В. О. Каратаев, С. Н. Кириллин (Чичахов, Герасимов)-Элэгэс, Т. П. Кириллин, Е. Е. Лукин-Тюммют Джэггёюр, А. Г. Местников, У. Г. Нохсорор-Куутук, Г. Р. Оконешников-Усун Хабырыыс, А. С. Попов-Муотаан, А. С. Порядин, П. Г. Романов-Мыланыыскай, Г. С. Семенов-Дырбыкы Уола, Р. И. Сергеев-Арадъыыс Арамаан, Е. С. Сидоров, М. Г. Сорор-Ньохооску, М. Н. Тимофеев-Терешкин. Именной указатель показывает на существование гендерного дисбаланса в среде информантов-собираателей, абсолютную гегемонию мужчин, тогда как в дореволюционный период среди них была одна женщина. Информанты-собираатели в целом были людьми, которые родились во время активного бытования устного олонхо. Это следующие годы: 1870, 1878, 1883, 1893, 1898, 1903, 1907 (2 чел.), 1910 (2 чел.), 1915, 1917, 1918, 1919, 1925, 1926, 1927 (2чел.), 1929, 1931 (см.: Диаграмму 2). Следовательно, детство и юность вышеперечисленных личностей в целом прошли, когда еще была жива эпическая среда, а письменность только начинала широко распространяться.

Диаграмма 2.

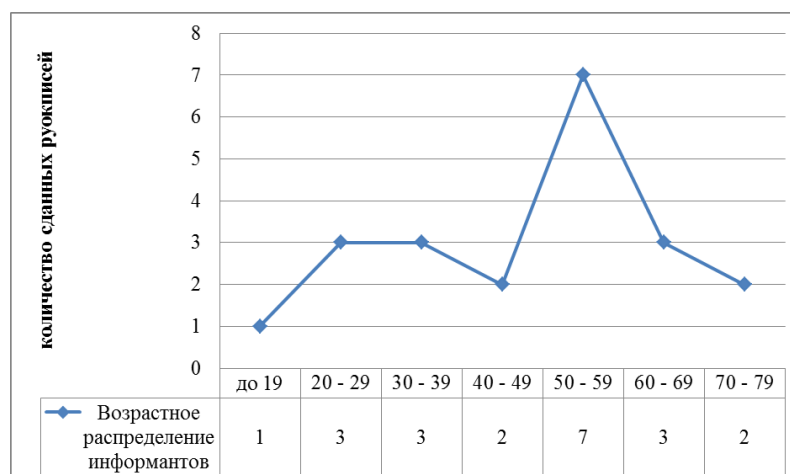
Распределение информантов-собираателей по году рождения

Возраст информантов-собираателей в момент сдачи документов в архив является тоже немаловажным сведением. Студенту Е. С. Сидорову, самому молодому информанту-собираателю, было 17 лет, когда его рукопись поступила на хранение, а самому старшему А. П. Амвросьеву – 75 лет. Один из скрипторов олонхо В. О. Каратаев, являющийся устным олонхосудом Вилюйского района, сдал свои самозаписи олонхо дважды: в 59-летнем возрасте и тогда, когда ему было 64 года. Из Диаграммы 3 видно, что люди в возрасте 50-59 лет являются самыми активными информантами-собираателями. До 19 лет рукопись в архив отдал 1 чел., до 29 лет – 3 чел., до 39 лет – 3 чел., до 49 лет – 2 чел., до 59 лет – 7 чел. (в том числе В. О. Каратаев), до 69 – 3 чел. (в том числе В. О. Каратаев), до 79 – 2 чел.

Диаграмма 3.

Возраст информантов-собираателей в момент сдачи документа

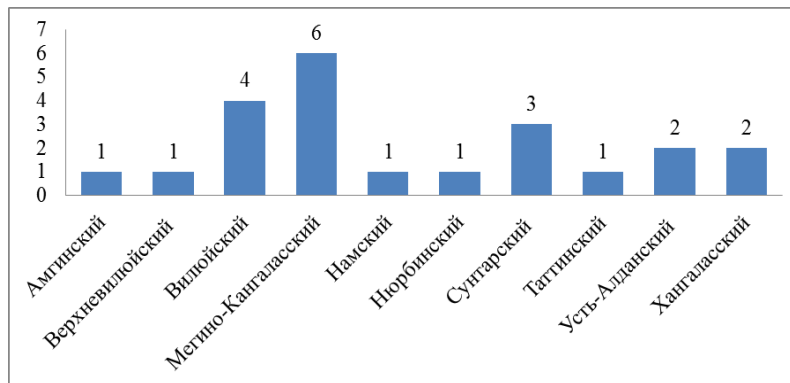

Рукописи поступили из десяти районов Республики: Амгинского, Верхневилуйского, Вилюйского, Мегино-Кангаласского, Намского, Нюрбинского, Сунтарского, Таттинского, Усть-Алданского, Хангаласского

(бывшего Оржоникидзевогo). Самое большое количество самозаписей, 6 единиц, было получено из Мегино-Кангаласского района (см.: Диаграмму 4). Нужно подчеркнуть, что самозаписи поступили только из трети районов (в ЯАССР в то время существовала 31 административно-территориальная единица). Такая неравномерность, по всей видимости, связана со следующими факторами: отдаленностью северных улусов, откуда не поступила ни одна рукопись, малограмотностью самих носителей традиционной культуры, негативным отношением части грамотного населения к эпосу олонхо, как к наследию уходящего времени.

Диаграмма 4.

Распределение рукописей по регионам Якутии

Знакомство с рукописями архива, обозначенными как самозаписи, а также с документами, относящимися к рукописям, показывает, что они созданы в различных целях и синтезируют особенности фольклора и литературы по-разному. Тексты самозаписей метастабильны, являются промежуточной формой между вариативностью фольклорного текста и стабильностью произведения литературы. В первичном выяснении того, к какой области относится рукопись самозаписи: фольклору или литературе, большую роль играет изучение личности информантов-собирателей, выяснение их типов, а также исследование всех сопутствующих документов.

Егор Егорович Лукин-Тюммют Джэггюр, родившийся в 1918 г., является одним из информантов-собирателей советского периода, который начал свою живую собирательскую деятельность в ранней молодости, но резко прекратил ее, разорвал свою связь с фольклористами, хотя прожил долгую и счастливую жизнь до 84 лет недалеко от Якутска, в Горном районе Республики. Он умер в 2002 году [13; 14].

По своему возрасту Е. Е. Лукин относится к самой многочисленной группе – информантам-собираетелям, родившимся до 1920 г. (см. Диаграмму 2). Его одноклассниками являются Г. А. Захаров, 1910 г.р. (Мегино-Кангаласский район), А. С. Попов, 1910 г.р. (Намский район), Г. С. Семенов, 1915 г.р. (Верхневилуйский район), М. Г. Соров, 1917 г.р. (Таттинский район), С. Н. Кириллин, 1919 г.р. (Мегино-Кангаласский район). Информанты-собиратели этой возрастной группы сдавали в архив свои рукописи в разные годы своей жизни. Е. Е. Лукин передал самозапись олонхо в 23 года, Г. С. Семенов – в 26 лет, А. С. Попов – в 29 лет, Г. А. Захаров – в 30 лет, С. Н. Кириллин – в 45 лет, М. Г. Соров – в 57 лет.

Е. Е. Лукин-Тюммют Джэггюр, также как и информант-собиратель Т. П. Кириллин, был уроженцем Хангаласского района. Последний был старше Е. Е. Лукина на 15 лет. В этом районе Якутии, являющемся центром зарождения якутской культуры, ландшафтной колыбелью якутского этноса, родиной этнографа Г. В. Ксенофонта, фольклориста Г. У. Эргиса, устный эпос активно бытовал вплоть до сороковых годов. Интерес молодого Е. Е. Лукина к устной народной культуре, собирательской деятельности был обусловлен не только средой, где он вырос, но и временем, о чем можно судить по воспоминаниям его дочерей, родственников и коллег [14].

При характеристике собирательской деятельности личности нами в первую очередь учитывается степень её грамотности. Как видно из сборника воспоминаний, Е. Е. Лукин в 1936 г. окончил семилетнюю школу, поступил на одногодичные курсы учителей в г. Якутске. После курсов собиратель вплоть до 1951 года успешно работал в системе образования пионервожатым, учителем, директором детдома, заведующим начальной школы в трех районах республики: Хангаласском, Чурапчинском, Горном. В 33 года учитель был отстранен от любимой работы по состоянию здоровья [Там же].

Годы учительства Е. Е. Лукина сопрягались с активной собирательской работой в качестве собирателя-корреспондента Института языка и культуры при СНК ЯАССР. Ему, как собирателю-корреспонденту, как мы предполагаем, были известны методы сбора и документирования фольклорных произведений, разработанные в те годы под руководством Г. У. Эргиса. К своим обязанностям собирателя-корреспондента Е. Е. Лукин относился весьма ответственно, он этим занимался во всех местах, где ему приходилось работать, и сдавал свои материалы, собранные в 1936-1945 гг., в архив Института. Дополнительным знаком серьезного отношения к делу служит и его псевдоним *Тюммют Джэггюр «Собиратель Егор»*. Как показывают наши изыскания на данном этапе, Е. Е. Лукиным были зафиксированы на бумаге и сданы в архив произведения устного наследия следующих жанров: песни советского периода [21], скороговорки *чабыргал* [12; 25], заклинания *алгыс* [8; 10], народные предания, рассказы [22] и олонхо [2; 6; 9; 11; 14; 23].

«Собирателем Егором» в общей сумме записаны 7 единиц олонхо, чего обычно добивались только фольклористы-профессионалы. Собирателя-корреспондента Института Е. Лукина сама судьба награждала встречами с известными устными сказителями на жизненном пути. В 1939 г. молодому учителю, приехавшему работать в Мугудайский наслег Чурапчинского района, получилось записать от шестидесятилетней сказительницы П. М. Терютиной олонхо «Нэриэн Мюлгю» в полном объеме [23]. На следующий год информантом собирателя стал Хатылинский олонхосут из того же района А. Н. Кривошапкин. Из репертуара последнего было увековечено олонхо «Хара Ньургун Бухатыыр» [6]. В Хангаласском районе в 1941 г. Е. Е. Лукин, уже опытный фиксатор, записал олонхо с таким же названием в исполнении сказителя А. Н. Алексеева [2]. В том же году он передал конкурсной комиссии самозапись под названием «Хангалас Боотур» [11]. Последним документом олонхо, поступившим в научный архив, является отрывок из олонхо «Ого Дуолун бухатыыр», датированный 1942 г. [9]. Как пишут Л. Е. Лукина и Л. Е. Санникова, их отец продолжал собирательскую деятельность и в Горном районе, куда его в 1942 г. перевели работать учителем. Там, в Малтанском наслеге, в первый год работы учителем Е. Лукиным было зафиксировано от 72-летнего известного сказителя Г. М. Тарасова олонхо «Агыс Айы сиэн» Албан саар бухатыыр уонна Хара Чэкирдээн» [14]. Очередной перевод учителя в 1948 г. в другой Сологонский наслег, в 7-летнюю Ертскую школу был вознагражден встречей со сказителем В. С. Хабаровым. *Тюммют Джэгёюр* не упустил удачу собирателя, увековечив олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн» в исполнении олонхосута [Там же].

В итоге отмечаем, что портрет информанта-собирателя Е. Е. Лукина нами обрисован с одного ракурса в общих чертах на фоне его эпохи. Как выяснилось, собирательская деятельность заполняла жизнь сельского советского интеллигента, ликвидатора безграмотности, учителя по призванию на заре его жизни и обогатила его жизненный путь. Благодаря его активной деятельности остались увековеченными образцы таких устных жанров, как песни, скороговорки *чабыргах*, заклинания *алгыс*, народные предания, рассказы и олонхо Горного, Хангаласского, Чурапчинского районов. Между тем при описании портрета информанта-собирателя Е. Е. Лукина стоит обратить особое внимание на такой аспект его личности, как информант. Это весьма актуально в связи с неопределенностью роли Тюммют Джэгёюра в создании рукописи олонхо «Хангалас Боотур». Вокруг этой рукописи ведутся споры. Краевед Л. Н. Харитонова в своих устных выступлениях, также Л. Е. Лукина и Л. Е. Санникова в своих воспоминаниях отмечают, что олонхо «Хангалас Боотур» является самозаписью самого Е. Е. Лукина [Там же]. Фольклорист Н. А. Дьяконова в 2007 г. сделала предположение, что олонхо «Хангалас Боотур» было зафиксировано Е. Е. Лукиным от известного олонхосута Хангаласского улуса А. Н. Алексеева [5, с. 180]. Такую гипотезу она выдвинула на основе просмотра титульного листа рукописи олонхо, на верхней части которой под именем «Е. Е. Лукин» обнаружилась зачеркнутая, трудно читаемая надпись: «Алексеев Афанасий Николаевич». В 2014 г. рукопись самозаписи издана как устный эпос олонхосута А. Н. Алексеева в записи Е. Е. Лукина [1]. Между тем проблема авторства документа, также исследование особенностей Тюммют Джэгёюра как информанта требуют дополнительных изысканий, привлечения сравнительных материалов.

Список литературы

1. **Алексеев А. Н.** Хангалас Боотур / зап. Е. Е. Лукина со слов сказителя А. Н. Алексева; подготовка к печати: Р. Н. Анисимов, Л. Н. Герасимова; отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 320 с.
2. **Алексеев А. Н.** Хара Ньургун Бухатыыр / зап. Е. Е. Лукин. 1-й Мальжегарский наслег Орджоникидзевского района. 1941 // Отдел рукописей Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН). Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 67. 53 л.
3. **Аман алгыстар, дорбоон тойуктар:** нурут ырыаһыта, олонхоһут А. П. Амвросьев-Тойуктаах Өлөксөй (олобо уонна айар үлэтэ) / авт.-сост.: Я. А. Амвросьев, К. Д. Уткин, В. В. Илларионов. Дьокуускай: Бичик, 1997. 137 с.
4. **Данилова А. Н.** Олонхосут-импровизатор С. Н. Кириллин как автор самозаписи олонхо «Дьурайа Куо» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. 2. С. 74-76.
5. **Дьяконова Н. А.** Фольклор Хангаласского улуса // Хангаласский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2007. С. 178-187.
6. **Кривошапкин А. Н.** Хара Ньургун Бухатыыр / зап. Е. Е. Лукин. Хатылинский наслег Чурапчинского района. 1940 // Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 69. 57 л.
7. **Кузьмина А. А.** С. С. Егоров как автор самозаписи якутского героического эпоса олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. 2. С. 122-125.
8. **Лукин Д. Н.** Остуол хаамтарар алгыс / зап. Е. Е. Лукин. 1945 // Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 735. 2 л.
9. **Лукин Е. Е.** Оҕо Дуолун бухатыыр: быһа тардыы. Песня / Самозапись. 1-й Мальжегарский наслег Орджоникидзевского района. 1942 // Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 624. 12 л.
10. **Лукин Е. Е.** Хаарты мэтэйдиир алгыс // Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 609. 1 л.
11. **Лукин Е. Е.** Хангалас Боотур / Самозапись. 1-й Мальжегарский наслег Орджоникидзевского района. 1941 // Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 7. 184 л.
12. **Лукин Е. Е.** Чабыргах. Скороговорки // Отдел рукописей ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 632. 2 л.
13. **Лукин Егор Егорович** // Олонхо ытык эйгэтэ. Бэрдьыгэстээх, 2010.
14. **Лукина Л. Е., Санникова Л. Е.** Лукин Е. Е. туһунан ахтыылар: Рукопись // Личный архив авторов. 111 л.
15. **Мухаметзянова Л. В.** Понятие «книжный эпос» в мировой фольклористике и татарские книжные дастаны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. 2. С. 141-144.

16. Мухоплева С. Д. Самозаписи якутского героического эпоса-олонхо в дореволюционный период // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы III Международной научной конференции (заочная, ноябрь 2010 г.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. С. 119-127.
17. Мухоплева С. Д. Собиратели-корреспонденты: А. С. Порядин как информант и фиксатор якутского олонхо // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках: сб. ст. по итогам Всероссийской научной конференции (г. Сыктывкар, 14-17 октября 2014 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 36-38.
18. Мухоплева С. Д. Типы самозаписей олонхо советского периода (1939-1946 годы) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2 (3). С. 112-119.
19. Норуот ырыаһыта, олонхоһут Устүүн Нохсоорон: ыстатыйалар, ахтыһылар, айымньылар, докумуоннар, биобиблиогр. ыйыннык. 2-с тахс. Дьокуускай: Бичик, 2008. 190 с.
20. Оросина Н. А. Самозапись олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный»: архивный первоисточник и научное издание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. 1. С. 159-162.
21. Песни советского периода, собранные Лукиным Е. Е. (1938-1941 гг.) // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 556. 115 л.
22. Предания, собранные Лукиным Е. Е. (1938-1940 гг.) // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 517. 18 л.
23. Герютина П. И. Нэриэн Мулгү / зап. Е. Е. Лукин. Мугудайский наслег Чурапчинского района. 1939 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 62. 170 л.
24. Форум: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 9-134.
25. Чабыргахтар. Скороговорки, собранные Лукиным Е. Е. (1936-1941 гг.) // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 560. 16 л.

**E. E. LUKIN-TYUMMYUT DZHEGEYUR:
PORTRAIT AGAINST THE BACKGROUND OF INFORMANTS-COLLECTORS OF OLONKHO**

Mukhopleva Svetlana Dmitrievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North, the Russian Academy of Sciences, the Siberian Branch
Mukhopleva@mail.ru*

The article presents the experience of the study of the biography of a little-known informant-collector of olonkho, being the part of oral and written cultures. One angle of marginal personality is chosen as an object of outlining – its peculiarities as a collector against the historical background. The tools have allowed the author to put the question of examination of the activity by E. E. Lukin as an informant and to touch upon the problem of the authorship of an archival folklore document.

Key words and phrases: self-records of olonkho; informant-collector; folklore textology; edition; biographic method.

УДК 82

В статье рассматривается влияние Н. А. Лейкина, писателя-юмориста и редактора журнала «Осколки», на раннее творчество А. П. Чехова. Выделение особенностей ранних текстов будущего классика на фоне текстов Лейкина как яркого представителя журнальной юмористики 1880-х годов представляется актуальной научной проблемой. В статье представлен сопоставительный анализ ряда текстов Лейкина и Чехова, схожих по тематике или сюжету. Результатом анализа становится выделение ряда особенностей ранних текстов Чехова.

Ключевые слова и фразы: литературное влияние; автор-юморист; юмористическая журналистика; рассказ; сценка; параллели в текстах; уровни сближения.

Овчарская Ольга Владимировна

*Санкт-Петербургский государственный университет
ov4arskayaolga@mail.ru*

А. П. ЧЕХОВ И Н. А. ЛЕЙКИН: СХОДСТВО, ПОДЧЕРКИВАЮЩЕЕ РАЗЛИЧИЕ

Традицию сопоставления текстов раннего Чехова и Лейкина инициировал сам Лейкин, который подчеркивал (и во многом преувеличивал) свое влияние на творчество бывшего сотрудника «Осколков»: «Чехов на мне научился писать свои рассказы. Если бы не было Лейкина, не было бы Чехова» [24, с. 349].

Уже при жизни за Лейкиным закрепилась незавидная литературная репутация писателя, развлекающего низшие слои общества. В отзыве на третье издание ранних очерков Лейкина «Апраксинцы» и «Биржевые артельщики» обозреватель «Северного вестника» противопоставлял раннего Лейкина шестидесятых годов и позднего автора-юмориста:

«Нет, нам жалко того еще не знаменитого г. Лейкина, который написал “Биржевых артельщиков”, и нам очень неприятен г. Лейкин знаменитый, автор “Гороховых шутов”, “Медных лбов” и проч. Притом же